

ПОМНЮ...

Помню... Как же начать это произведение иначе, чем с этого простого слова? Да, помню... ведь это было только вчера, ну, или почти вчера. Две тысячи лет назад — по большому счёту это не такой уж и большой период в истории человечества: едва ли более шестидесяти шести поколений женщин и мужчин, которые следовали одно за другим, пытаюсь хоть как-то понять....

Понимаем ли мы, наконец, сегодня? И понимаю ли я, тот, кто решил предложить вам эти страницы?

Дело в том, что понимать — слово с довольно широким смыслом. Оно означает претендовать на то, чтобы охватить целую реальность, утверждать, что удалось постичь, отчего и почему.

Поэтому говорить «я понимаю» в контексте такой обширной и загадочной темы было бы, вне всякого сомнения, довольно самоуверенно с моей стороны. Вот почему то, что я намереваюсь здесь рассказать, является исключительно тем, что я помню... и ничем иным. Моим инструментом, как обычно, будет моя память — память в сочетании с достигнутой зрелостью, которая только и может обеспечить взгляд в прошлое.

Таким образом, с вами будет разговаривать очевидец — не историк, не теолог и уж подавно не эрудит. Кстати, я более чем уверен, что некоторые положения, которые я изложу на страницах этой книги, будут расходиться с данными официальных источников, они могут не прийтись по вкусу или даже шокировать ряд духовных и религиозных школ.

Я сознательно иду на риск, зная, что в этом мире всё больше и больше людей пытаются мыслить свободно, не впадая в зависимость, не следуя «линии партии». Таким образом, у меня нет намерений вступать ни в какие споры.

Книга, которую вы держите в руках, помимо передачи самого Учения будет прежде всего представлять собой продукт обмена опытом и откровений, немного напоминая раскрывающуюся память.

Безусловно, существует столько же вариантов памяти, сколько и живых существ. Каждый из нас в некотором роде напоминает фотокамеру, которая снимает и записывает жизнь в зависимости от того, где эта фотокамера находилась или располагалась, в соответствии с качеством объектива и настройками угла обзора.

Исходя из этого можно сделать вывод, что понятие правда довольно относительно; то, что называют абсолютной Правдой, без сомнения, недоступно человеческому сознанию, поскольку состоит из множества углов фотосъёмки и, следовательно, вариантов частичной правды.

Таким образом, имея намерение раскрыть эти страницы, не сомневайтесь в том, что их задача — стать не чем иным, как основой для размышления. Их правда — это правда очевидца, который, проецируясь во Времени до настоящего момента со своим уровнем восприимчивости, приглашает каждого, без всяких ограничений, отправиться на дальнейшие поиски той главной истины, которую скрывает его душа.

И ещё один момент, который, как мне кажется, является важным: почему именно мне дано помнить с такой точностью то, что я пережил, находясь в окружении Христа, два тысячелетия тому назад?

Ответ на этот вопрос хочется начать, задав другие вопросы: почему некоторые люди приходят в этот мир со способностью спонтанно «улавливать» мелодии и создавать из них симфонии? Почему у других есть эта невероятная лёгкость, подталкивающая их к жонглированию

математическими абстракциями высочайших уровней? Почему есть также те, кто обладает видением и силой, наделяющими их способностью высечь идеальную фигуру из куска мрамора? Почему, в конце концов, жёсткий диск компьютера может записать миллиарды данных и выдать их снова за несколько секунд?

А действительно, почему? Вселенная полна этих «почему», на которые наш изолированный, разбитый на участки и отформатированный разум не может дать ответов.

То, что какой-то феномен обнаружили, а затем дали ему название, ещё не означает, что его уже поняли.

В основе всего сущего есть тайна, и как раз к этой тайне, бесконечно красивой, бесконечно большой и бесконечно внушительной, я хотел бы немного приблизить вас, передавая в очередной раз содержимое моей памяти. Какую-то тайну не прекращает также приводить в действие и Тот, кто является источником, сущностью и алмазом этого Учения, во всех тех из нас, которые стремятся найти свой потенциал восхождения.

Именно им, а также всем тем, кто ещё не знает о своей причастности, я прежде всего предлагаю свои воспоминания...

Моей ведущей нитью станет нить беседы; она будет вибрировать по воле моего и, я надеюсь, также вашего сердца, как во время дружеской встречи. Впрочем, возможно ли попытаться приблизить То, что живёт в Христе, каким-то иным способом? Я убеждён, испытав это на себе, что в глубине души, свободной от всяких ухищрений, Божественное позволяет проявлять Своё присутствие и вступает в общение.

Итак, я приглашаю вас пронестись вереницей моих живых воспоминаний, как если бы мы вместе сидели прямо на земле, у огня, в котором потрескивает хворост, где-то на берегу Галилейского озера или в Иудейской пустыне. Желаете, чтобы мы начали плавное погружение в условия той эпохи? Тогда прежде всего мы приблизимся к сердцу её народа, затем будем неспешно раскрывать для себя Учителя и его глубокое Слово, посещая его близких, тех, кто оставил свой след в Истории, и, наконец, тех, кто не проявил себя иначе как даруя свою любовь.

Часть первая

ЗЕМНОЙ

ТЕАТР

глава I

Декорации

Попробуйте представить... мы находились на захваченной земле... Уже более полувека здесь жили римляне. Когда я говорю «римляне», я имею в виду не просто их армию, а семьи, которые они создали, их торговлю и, наконец, их проникающую культуру. Всё это было таким тонким, таким искусным, что порой мы даже больше не считали себя «захваченными».

Старшие поколения знали, как всё это происходило, как пришли солдаты и заявили о своём праве всё контролировать по приказу императора¹, которого никто никогда в глаза не видел.

Что касается молодых, то среди них было немало тех, которых это не беспокоило. Да и что в этом удивительного? Они пришли в этот мир с пурпуром легиона перед глазами, и это было частью того, что их окружало, точно так же как и эти заслоны из щитов и копий, которые время от времени преграждали улицы по неизвестным для всех причинам. Достаточно было сказать: «Проход воспрещён» — и они шли в другом направлении, огибая препятствие или меняя свои планы.

Помню, что для них это не было столь шокирующе. Ведь когда на Песах, иудейскую Пасху, они проникали за ограду великого Храма в Иерусалиме, там тоже было место, куда нельзя заходить, порог, который священники запрещали переступать им и их родителям, — Святая Святых.

Поэтому, когда где-то вспыхивали бунты, молодые люди редко оказывались к ним причастны. А если такое и случалось, то чаще всего это было связано с их желанием подражать другим, посостязаться или поддержать старших... так как со словом отца считались и следовали ему безоговорочно.

По правде говоря, если подслушать их перешёптывания на улицах, то станет ясно, что количество тех, кто считал римское гражданство неплохим вариантом, становилось всё больше. Они видели в нём что-то вроде защиты, гарантию своего будущего, социальное преимущество, да и в конечном счёте, говорили они друг другу, Рим оставлял им свободу вероисповедания. Так почему бы и нет?

Если бы не эти вооружённые банды, называемые зелотами, которые нападали на небольшие отряды легионеров от случая к случаю, молодые люди даже не сомневались бы в правильности такого решения.

Естественно, поначалу были священники, равви, которые учили их азам веры, немного третируя и пытаясь официально заставить «держаться прямо» перед захватчиком.

И как же им было не пытаться объединиться в такой ситуации? Я помню их небольшие группки, часто несколько бездеятельные, зажатые между нравоучительными проповедями, то ностальгирующими, то протестующими родителями, зачинщиками кровавых стычек — римлянами, эксплуатирующими всё с решимостью, внушающей доверие, а также их девушек, привлекающих взгляды на рынках.

¹ Император Август

На самом деле всё палестинское общество пребывало в состоянии неопределённости. Подсознательно оно находилось в поиске новых ценностей. Было немало тех, кто опустил руки и пошёл на более или менее открытое сотрудничество с оккупантом. Они, не желая того, постоянно вызвали реакцию экстремистски настроенных zelотов, которые без колебаний иногда расправлялись и с ними.

В Иерусалиме предчувствие того, что мы находимся в конце чего-то, на краю какого-то мира, было особенно явным, и нужно было наконец выбрать: либо сдать позиции и окончательно покориться римской власти, либо сказать нет, расправить плечи и восстать со всей решимостью. Но кто же сделает выбор? Кто примет решение?

Равви и толкователи Священных текстов, теоретически считающиеся гарантами коллективной идентичности, пользовались неоспоримым авторитетом у народа, но становилось всё более очевидным, что многие из них вели двойную игру. Не проходило и дня, чтобы я не сталкивался с этим лично. Подарки за подарками, почести за почестями — так римлянам удавалось их подкупать, вкладывать в уста «правильные» аргументы и помогать закрывать глаза в нужный момент.

По сути, можно сказать, что каждый пытался выкручиваться как мог; он был идеалистом, когда это нужно, или оппортунистом, когда это было более осмотрительно и необходимо.

Одной из проблем «нашей» страны — «нашей», поскольку я жил там, — была ненадёжность существования. Если ты не принадлежал к доминирующему социальному классу, к своего рода чётко определённой касте, ты был обязательно беден и приговорён быть таковым всегда... тем более что Рим год за годом прибирал к своим рукам всё, что было в пределах досягаемости.

Сейчас я думаю, что именно эта бедность, удвоенная разочарованием в борьбе с очевидной коррупцией, придала значимости приходу и влиянию истинного Равви...

Саддукеи

Среди тех, кто получал выгоду от присутствия римлян, конечно же, были в большинстве своём саддукеи. Узнать их было несложно. Независимо от того, жили ли они в Иерусалиме или же в провинциальных городках, они всегда ходили с высоко поднятой головой и в одеждах из тончайших тканей. Некоторые из них жили на широкую ногу и не скрывали этого. Для них богатство было даром Всевышнего в награду за добродетели, накопленные их душой.

Согласно их верованиям, если человек был беден, значит, он платил долг Предвечному. Так что нечего было жаловаться!

Естественно, всё это носило обобщённый характер и являлось характерной чертой их философии. Когда глаза моей души посещают улочки и дома того времени, они находят и среди саддукеев благородных, щедрых и отзывчивых людей.

Я также помню то, что больше всего они любили дискутировать. Я бы даже сказал, вести полемику ради удовольствия, точно так же, как это делали бы сейчас интеллектуалы-рационалисты, увлечшись игрой в поиск аргументов больше, чем реальным желанием продвинуться вперёд в решении какой-либо задачи. Это совсем не означало, что саддукеи не верили ни во что святое, но они оставляли у всех впечатление, что их вера культивировала нечто туманное, способное оправдать многие из их действий.

Кстати, в отличие от других социальных групп, я никогда не слышал от них провозглашения чётких и незыблемых доктринальных принципов. На самом деле, мы все были убеждены в том, что власть — это то, к чему они в целом стремились и что любили.

Я считаю справедливым заметить, что сфера их деятельности занимала промежуточное положение между клерикальными привилегиями и кулисами политики. В наши дни мы с уверенностью

сказали бы, что они представляли собой настоящую «партию», поддерживающую тёплые отношения с римскими оккупантами.

Мне известно, что, когда истинный Равви Иешуа — Учитель Иисус — взволновал общественное мнение своими заявлениями и действиями, то сначала чаще других против Него открыто выступали именно саддукеи. Сложно подсчитать, сколько раз я видел, как они иронично окликали Его на рынке в разгар торговли или на паперти синагоги.

Думаю, что на самом деле это происходило не потому, что Он им не нравился как человек. Сначала они, несомненно, были заинтригованы Им, Его способностью говорить правду в глаза и тем неоспоримым фактом, что Он умел также дискутировать и аргументировать свою точку зрения, если это было действительно нужно.

Я остаюсь убеждённым в том, что первое время они не ощущали опасность, которую Равви представлял для их образа жизни.

Во мне всё ещё живёт воспоминание о нескольких разговорах, которые я случайно подслушал, прогуливаясь утром по улочкам Капернаума. Из них следовало, что «этот человек» — не кто иной, как один из своеобразных и довольно харизматичных учёных, и в конечном счёте не так уж Он и опасен... разве что для самого себя.

Между тем, услышав это, я быстро понял, что Его «магическая» сторона была им глубоко несимпатична. У саддукеев была склонность избегать всего, что связано со способностями, называемыми сверхъестественными. Поэтому, когда рассказ о каком-то чудесном исцелении доходил до их ушей — даже если они присутствовали при одном из них, — они не могли сдерживать иронические замечания, обвиняя Его в мошенничестве.

В Генисарете некоторые саддукеи дошли даже до того, чтоб устроить ловушку для Равви Иешуа. Я не присутствовал при этой сцене лично, но история о ней быстро облетела всю округу.

Рассказывали, что один старый саддукей привёл к Нему своего сына, мужчину тридцати лет, будто бы слепого от рождения. Учитель смотрел на него несколько мгновений, а затем вдруг сделал вид, что хочет дать больному увесистую пощечину. Захваченный врасплох мужчина, непроизвольно желая защититься, мгновенно отступил назад так, что до него даже не дотронулись, признав таким образом своё жульничество.

Говорят, что в тот момент Равви с грустью улыбнулся и обратился к пожилому человеку:

— Скажи мне, кто сильнее болен? Тот, кто манипулирует... или тот, кто позволяет манипулировать собой? Когда ваша душа поймёт, что она действительно страдает, тогда, говорю вам, вы придёте ко мне. И это касается всего вашего народа; сначала ему придётся научиться понимать природу своей собственной слепоты...

Мне кажется, что этот забавный случай прекрасно демонстрирует то, как Учитель обучал нас, без подготовки, пользуясь всеми удобными жизненными ситуациями, чтобы создать определённое воздействие.

Говорил ли Он тогда именно о саддукеях, когда упоминал слово «народ»? Я так не думаю. Конечно, в Его изречениях использовались некоторые социальные классы и некоторые личности, но только как символы; Его целью, скорее всего, было как можно доходчивее обучать весь человеческий род, поскольку он представлял для Него единую страдающую семью.

Даже сегодня мне сложно сказать, многих ли саддукеев трогали Речи Учителя Иешуа. Очевидная интеллектуальная гордыня в сочетании с финансовой обеспеченностью превратили их в обособленное микрообщество, внутри которого, следует заметить, один следил за другим, и поэтому не так легко было от этого общества отделиться, если уж ты попал в его силки. Кстати, что касается жителей Палестины той эпохи в целом, все приглядывали друг за другом в той или иной степени...

Фарисеи

Можно было бы подумать, что саддукеи, будучи представителями определённой элиты, действовали заодно с фарисеями, однако это было вовсе не так. Основываясь на некоторых признаниях или откровениях, которые распространялись в окружении Учителя, можно было без труда заметить, кто же, саддукеи или фарисеи, искуснее вели переговоры с представителями Рима.

На первый взгляд фарисеи почти не тревожились по поводу «гнусных дел этого мира». Я абсолютно уверен, что они недалеко ушли от того, чтобы считать себя истинными святыми безупречной чистоты. Кстати, их гордость абсолютно не мешала им постоянно напоминать, что жизнь их регулируется более чем шестьюстами предписаниями — обязательствами и запретами, — и этот способ существования определял их прежде всего как истинных избранных Предвечного.

Одним словом, в наши дни сказали бы, что они вели себя как радикальные консерваторы, настолько неприкасаемые и нетерпимые, насколько это можно себе представить. Их число не было слишком большим, но проявляли они себя очень активно, занимая самые высокие церковные должности.

Никто их особо не любил, это очевидно; но их боялись, поскольку постановление или решение, выданное от их имени, часто соответствовало смертному приговору, физическому или моральному, и, по сути, имело тот же смысл. Если человек был назван «толкователями Священных текстов» достойным презрения, это означало для него окончить свою жизнь в нищете, если его не забросают камнями сразу же на месте.

Это казалось нормальным, логичным и в порядке вещей по всей стране. Фарисеи вызывали у людей уважение и одновременно страх, так как поговаривали, что они знали, чего хочет Адонай²... Впрочем, не считая того, что оставалось всё ещё точно неизвестным, чего же именно Адонай ждал от нас? Желал ли Он присутствия римлян? Хотел ли Он наказать нас за наши блуждания?

Фарисеям было неведомо то, что мы обычно называем грехом. Они не грешили никогда. Это не подлежало сомнению, ведь они следовали букве главной Традиции, продиктованной самим Моисеем!

В недрах своей памяти я вновь и вновь вижу, как они крадутся вдоль стен небольшими группками, стараясь по возможности избегать оживлённых рынков.

Однако рядом с синагогами и святыми местами они ходили с высоко поднятой головой и громко провозглашали доктринальные заявления, демонстрируя свою принципиальность.

Всем было известно, что они тоже уже давно приспособились к оккупации со стороны римских легионов. Чиновники, назначаемые императором, всегда имели мудрость позволять им делать то, что они хотели, в той сфере, в которой они намеревались править: контроль сознания.

Однако не стоило здесь заблуждаться... Разделяя некоторые взгляды с Учителем и многими его приближёнными, я должен был принять следующий факт: фарисеи только делали вид, что они договорились с захватчиком. На самом деле они глубоко презирали римлян — для фарисеев они были слишком порочны! С римлянами они постоянно пытались хитрить, и довольно наивным был бы тот, кто посчитал бы, что разгадал суть их мысли.

Когда я видел их деятельность по всей Палестинской земле, моё происхождение, моя культура и моя чувствительность эссея восставали... И я, конечно, был не одинок в проявлении такого

² Адонай — одно из имен, принадлежащих Богу в древнееврейском Священном Писании.

чувства неприятия. Представители Братства, к которому я относился, предпочитали скорее игнорировать их, чем иметь с ними дело... И кстати, такое отношение вернулось к нам сторицей!

Ессеи

Бог знает — в отличие от того, что думают о ессеях, мы всё же не всегда были образцом в вопросах толерантности!

По правде говоря, мы были несколько разделены в пределах нашей общины. Настолько разделены, что термин «Братство» по этой причине иногда вызывал неоднозначную реакцию.

Прежде всего, были те, кого называли «Старшими»; в основном они жили в довольно суровых условиях в окрестностях Мёртвого моря, защищаемые стенами цвета пустыни. У меня самого они иногда тоже вызывали страх из-за своего аскетизма, почти такого же доктринального, что и у фарисеев. Признаюсь, я никогда не любил их нравы, сформировавшиеся непосредственно под воздействием книги Левит³. Да, Старшие были всегда готовы к наказанию!

Каждый раз, когда мне приходилось посещать их, я понимал, что в случае с ними проще и быстрее составить список того, что позволено, чем того, что запрещено.

Сегодня я считаю, что следует признать наличие у них прочной и подлинной воли к Добру и Правде, к тому, что они называют «Ангельским Светом Всевышнего». В противоположность фарисеям, они были честны в своей чрезмерности; у них не было расчёта.

Мне всё ещё кажется, что их главная проблема тем не менее скрывалась в этой ужасной, не признаваемой ими гордыне, этой элитарной фанатичности, которая едва ли позволяла им выходить за пределы их убежищ из камня и песка.

Что касается меня, то я рос не в их окружении. Я был связан «с теми, кто жил в деревнях», с теми, которым дали простое наименование «Братья в белом» из-за их длинных белоснежных одежд. Нас, ессеев из деревень, тоже было не очень много — всего несколько разрозненных Братств, которые размещались там, где можно было возделывать землю и жить семьями.

Как и Старшие, нужно признать, мы испытывали сложность с тем, чтобы смешиваться с другими. Мы также были подвержены этому недугу, который заставлял нас чувствовать себя так, будто мы были выходцами из «отдельной расы». И по этой причине, равно как и для нашей защиты, в отличие от аскетов Кумрана, мы, прежде всего, облакали свою повседневную веру в добродетели кротости и невероятной гибкости. Мы старались таким образом пропагандировать терпимость... даже если определённая жёсткость продолжала регулярно нас достигать.

Очевидно, что между нами, живущими в деревнях, и другими ессеями, уединившимися в своих монастырях, существовало определённое недопонимание. На фоне Старших, как я помню, мы выглядели слабыми и нарушающими правила.

В глазах всего населения Палестины нас, «нарушающих правила», больше уважали... можно даже сказать — ценили. Почему? Я считаю, что прежде всего из-за практической выгоды — среди нас было много врачей!

Мы знали о травах больше, чем кто-либо, и также не скрывали того, что осознавали существование невидимых связей, соединяющих душу и тело. В связи с этим у нас было секретное учение, в рамках которого существовали ритуалы, предназначенные для того, чтобы вступить в контакт с Элохимом и ангельскими иерархиями.

³ Книга *Левит*, авторство которой приписывают Моисею, где Закон Божий представлен в довольно жёсткой манере, регламентируя жизнь в мельчайших деталях.

Не каждый из нас имел такой доступ, далеко не каждый, но об этих знаниях было известно, и это способствовало созданию вокруг нас немного магической или, по крайней мере, довольно таинственной ауры.

Лично у меня то, как на нас смотрели, не вызывало неприязни. Я также считал, что наша репутация целителей очень помогала нам «выходить сухими из воды», когда дела шли не очень хорошо. Это не означало, что нас любили — впрочем, я не знал, кто кого любил в принципе, — но нас уважали практически везде. В нас нуждались, это точно!

Вифсаиды⁴, которые мы обосновали почти повсюду, были надёжными и бесплатными убежищами для беременных женщин, раненых, больных, умирающих и всех нуждающихся, проходящих мимо.

Гостеприимство, простое и искреннее, представляло собой, возможно, наше главное позитивное качество или особенность.

В монастыре Крмель⁵, где я провёл значительную часть своего детства, изучая связь невидимого и видимого, наши учителя избрали промежуточное положение между тем, которое отстаивали Старшие из пустыни, и тем, что занимали другие — представители Братств из деревень.

Сегодня я более, чем когда-либо, осознаю, что поступить в это заведение было честью, но я также замечаю, что наш образ жизни там, несмотря ни на что, был такой строгий, что я мог бы сломаться. После того как на протяжении многих лет я находился под воздействием постоянных переходов от кротости к строгости и наоборот, я надолго сохранил чувство того, что иду по натянутой струне над пропастью.

Все те представители моего народа, которые прошли подготовку и экзамен в Крмеле, могли, передвигаясь по стране, без труда узнавать друг друга. Их выдавал особый блеск в глазах, а также манера ходьбы и речи. Этих признаков было достаточно. Когда мы покидали Крмель, то чувствовали себя так, будто были вынуждены находиться за пределами общества, немного «в стороне»... среди тех, которые уже были «в стороне»...

И как же было легко и заманчиво попасться в капкан этого наслаждения, вызываемого пребыванием за пределами общества! Это было одним из первых предостережений, которые я получил из уст самого Учителя, когда Он как таковой проявил себя в моей жизни того периода.

По всей стране все знали, что Он тоже был выходцем из Братства «Братьев в белом», хотя, несомненно, Он часто стремился выделиться из него своим внешним обликом — например, манерой одеваться.

Как и все мы, Он был одет в длинное льняное одеяние; но случалось видеть, как Он приподнимал его до уровня колен, когда нужно было долго идти, когда было жарко или Ему хотелось смешаться с группой рыбаков. Это слишком шокировало... Обычно равви этого не делали — по крайней мере, равви Его уровня!

Помню, как я сам был крайне удивлён, когда однажды увидел у Него на боку что-то вроде котомки, сделанной из кожи неизвестного мне животного семейства кошачьих, которую Он носил у всех на виду. Я никогда не видел такой вещи ранее и считал её несоответствующей нашей вере.

«Ну же, Симон! — сказал Он мне тогда. — Это сумка тебя беспокоит? Мне подарил её вчера один центурион, после того как я его исцелил... Это мой способ его отблагодарить за то, что он смог проявить Присутствие Господа. Разве сердечный порыв способен тебя ранить?»

⁴ **Вифсаид** — своего рода диспансер и место предоставления приюта. См. МЁРУА Д., ЖИВОДАН А. *Из воспоминаний ессеев. Другой лик Иисуса*. М.: Издательский бутик «Книжные Сети», 2022. С. 52.

⁵ **Крмель**: См.: Там же. С. 59.

В тот день я получил урок, хоть он и был довольно сложен для меня... Вместе с тем, когда я снова вижу себя идущим с другими братьями по дорогам Самарии, Галилеи или Иудеи, я признаю, что все те, кто, как и я, выросли в деревенских Братствах, уже давно стремились обойти некоторые запреты, установленные Старшими из пустыни.

Например, мне приходилось носить что-то типа шерстяной накидки. Это было нарушение в глазах «истинных» членов нашего Братства. Любые шерстяные ткани находились под запретом, так как считалось, что ворс способен передать немного животного начала. Говорили, что он хранит память об импульсах своего хозяина, почти так же, как кровь или плоть. И потому мы были строгими вегетарианцами...

Не стоит также забывать и о волосах! Я никогда не мог бы себе представить, что осмелюсь остричь свои волосы; их длина и свобода являлись неотъемлемой частью моей личности, так же как и традиционные признаки моего происхождения.

Равви Иешуа тоже носил длинные волосы большую часть времени. Когда было ветрено, Он имел обыкновение удерживать их с помощью металлического обруча, обшитого кожей или полотном. Это удивляло нас... Иногда Он собирал свои волосы на затылке в виде пучка. Я также видел, что Он остригал волосы до относительно короткого состояния дважды или трижды.

Мне, очевидно, скажут, что это не имеет никакой важности, исходя из той общей цели, которая меня привела к необходимости поделиться с вами своими воспоминаниями. Я не уверен в этом, ведь такие детали позволяют лучше понять, что одна из черт, определяющих личность Учителя, проявившаяся в повествовании о ессеях, — это желание ломать, как будто ради удовольствия, внешне незыблемые принципы или застывшие образы.

На самом деле, Он любил играть. Никто или практически никто не знает об этом сегодня, и лишь немногие осознавали тот факт тогда, поскольку он казался непостижимым.

Впрочем, игровая сторона жизни чрезвычайно редко проявлялась у нас, ессеев. Вспоминали наше стремление к кротости, наши знания и нашу природную сдержанность, однако никогда не говорили, что мы веселы и любим шутить. И это было действительно так... Мы, несомненно, вели себя слишком серьезно!

Следует сказать, что при такой репутации нам вряд ли помогли те люди, которых постоянно с нами путали, — назореи.